

САМАРСКИЙ АРХИВ

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ, СОСТАВЛЕННАЯ СВЯЩЕННИКАМИ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ С. ЦАРЕВЩИНА САМАРСКОГО УЕЗДА И ГУБЕРНИИ, 1905 ГОД

(Публикация подготовлена Г.В. Галыгиной*)

Широкое распространение приходские хроники получили начиная со второй половины 1860-х годов, благодаря местной инициативе епископа Оренбургского Варлаама (Денисова), который сделал распоряжение о том, «чтобы причты всех приходских и соборных церквей Оренбургской епархии с начала 1865 года вели церковно-приходские летописи, со внесением в оные после историко-статистических описаний церкви и прихода, всех замечательных местных событий»¹.

Указом Святейшего Синода в октябре 1866 года всем епархиальным Преосвященным предписывалось завести во вверенных им епархиях подобные летописи. В Самарской епархии церковное летописание было начато в 1867 году.

В журнале «Духовная беседа» была опубликована статья (см. СЕВ. №2. 1867), подробно объясняющая значение, цель и порядок ведения летописей. В статье, в частности, говорилось: «Такая летопись может заключать в себе большой интерес для будущего времени – и частный и общий. Будущим членам каждой приходской церкви, и причту и прихожанам, весьма интересно будет знать о прошедших днях своей приходской церкви и прихода. С другой стороны, приходские летописи, в совокупности взятые, могут служить важным пособием и для будущего историка православной церкви и русского царства».

«Обязанность вести летописи должна лежать на всех членах причта, но главным деятелем и руководителем в сем деле должен быть священник, без предварительного им просмотра ничто не должно быть вписываемо в летопись»².

Как правило, церковно-приходские летописи состояли из двух частей: в первой содержались сведения по истории церкви, причта, приходской округи; во второй священнослужители записывали свои наблюдения за повседневной жизнью и бытом прихожан, а также все значимые события, происходившие в приходе за год. В статье отмечалось, что «записи о таких случаях должны быть составляемы на основании достоверных данных, беспристрастно, осторожно, без лишних разглазгований, так, как бы то и другое событие происходило пред глазами составителя летописи, или как передано ему достоверными очевидцами»³.

Практически все дореволюционные летописи церковью Самарской епархии были утрачены в годы становления Советской власти. В Центральном государственном архиве Самарской области в фонде Самарской Духовной консистории отложились церковно-приходские летописи всего девяти сел, находящихся в данный момент на территории Самарской области, из которых восемь относятся к Сызранскому уезду. Это летописи с. Явлейка (летопись с 1880 по 1916 гг.); с. Пониклый Ключ (с 1875 по

* © Галыгина Г.В. – гл. специалист отдела использования архивных документов ГУСО «ЦГАСО», Центральный государственный архив Самарской области

1915 гг.); с. Усы (с 1883 по 1916 гг.); с. Теплый Стан (с 1898 по 1921 гг.); с. Дмитриево-Богородское (с 1876 по 1915 гг.); с. Дмитриевка (с 1892 по 1915 гг.); с. Репьевка (1876–1921 гг.); с. Царево-Николаевское (с 1877 по 1917 гг.); с. Царевщина Самарского уезда (с 1867 по 1915 гг.).

Самой полной и подробной из них является церковно-приходская летопись Христорождественской церкви села Царевщина (в настоящее время поселок городского типа Волжский). Именно в этой летописи подробно описаны события, связанные с установлением так называемой «Старо-Буянской республики» в 1905 г.

Церковноприходская летопись событий, составленная священниками Христорождественской церкви с. Царевщина Самарского уезда и губернии, 1905 год⁴

Революция готовится

Настоящий год был годом волнений, смут и беспокойств. Начавши волноваться еще в прошлом году, народ и теперь не успокоился, но с каждым днем становится все более и более восстановленным 1) против Правительства и 2) против Церкви.

Движение против Правительства было открытым, резким, против же Церкви, наоборот, скрытое: огонь вырывался наружу только изредка.

Главными воодушевителями были интеллигенты, до весны изредка приезжавшие из Самары, а также местный учительский персонал земской школы, земский фельдшер В.М. Козаков и некоторые крестьяне (напр., Порфирий Михайлов Солдатов, Лаврентий Никифоров Шибраев и др.). Ими распространялись в народе прокламации и одна из них была даже привешена в праздничный день на церковной ограде. Социалисты во время Великого Поста распространили слух о том, что весной они привезут пушку и станут разбивать амбар, снятый у Удела приезжими купцами «и тогда-де, все, кому надо, бери хлеб».

С открытием навигации (15 апреля) у нас в Царевщине стал заметен небывалый наплыв дачников, по преимуществу евреев. Они занялись агитацией в народе. Их слова пали на подготовленную почву. Так, 21 апреля, в четверг Пасхальной седмицы, вечером (недаром вечером: все-таки еще боялись) толпа прошла по улицам с пением «Марсельезы». До того времени если и пели подобные песни, то поодиночно, в два-три голоса, где-нибудь вдали на Кургане. То были спевки.

Забастовки

Как только пришло время грузить хлеб из амбаров на баржи, крестьяне забастовали. Вместо прежних 8 рублей потребовали 30 рублей с тысячи. Приехали было крестьяне других сел, которые соглашались работать на прежних условиях, но царевщинцы их насильно прогнали, пригрозивши перебить у них лошадей и перерубить колеса. Согласились работать за 20 рублей.

1 мая приехали 75 человек казаков и исправник. Народ присмирел. Во время переговоров на дворе удельного управляющего среди крестьян шнырял

студент – путеец Владимир Иванович Волков, живший в качестве репетитора у управляющего. Казаки на другой день уехали, а работы продолжались. Так как грузить по такой высокой цене охотников нашлось много, то стали работать в несколько смен часа по 3 – по 4 в день.

Ежедневно на площади происходили бурные торги. С раннего утра начинались крики и брань, а вечером по окончании работ происходило то же самое часов до 11. Иногда со стороны казалось, что вот-вот начнется побоище, но до этого, слава Богу, не дошло. Взявши хорошую цену, крестьяне не стали усерднее. Напротив, наемщики жаловались: «Просто беда, нужно скорее грузить, а они пронесут мешок да и сядут, а сказать тоже нельзя».

По примеру мужиков вздумали бастовать бабы и девки. За посадку леса они было потребовали себе 75 коп. вместо 25 коп. в день, но лесовод на это не согласился и выдержал характер. Садить леса осталось уже немного, и он сказал: «Хотите работать за 25 копеек – работайте, а не хотите – не надо».

Открытие памятника учителю А.П. Серафимову (Травля священника)

12 июня крестьяне решили устроить открытие памятника учителю Александру Павловичу Серафимову, <который>, судя по разговорам, был прекрасным учителем, но в это же время был человек неверующий и первый посадил в Царевщине семена социализма.

Крестьяне, движимые чувством солидарности, еще гораздо ранее хлопотали о разрешении поставить памятник на площади пред школой, но губернатор им отказал. Тогда они, очевидно, подстрекаемые дачниками-евреями, выбравши время на Пасху, когда у священника дела по горло, поставили памятник на церковном кладбище и просили меня освятить его, отслужить около него панихиду. Освящать памятник и служить около него панихиду я отказался, потому что он поставлен на кладбище незаконно, без разрешения. Но, по примеру прежних лет, согласился служить панихиду в школе.

Порфирий Солдатов (он был ходоком) на это согласился, но на другой день крестьяне передумали и опять пришли толпой (сельский староста – Степан Хорунжин, Порфирий Солдатов, Лаврентий Шибраев, Димитрий Гусев, Иван Потапов и еще двое или трое), пришли просить о том же, то есть служить у памятника. (Им хотелось устроить беспорядок, но в школе было это сделать неудобно, так как этим они подвели бы учителя). Они просили, по крайней мере, отслужить панихиду о всех умерших. Я согласился под условием, чтобы стол стоял не у памятника. В назначенное время я был на кладбище. Вскоре толпа принесла и иконы с пением «Святой Боже» (похоронное).

Я стал служить панихиду «о всех здесь лежащих», помянул и раба Божия Александра. В конце панихиды какая-то женщина из интеллигентных говорит:

– Я, батюшка, желаю отслужить панихиду об Александре Павловиче Серафимове. Я его родственница.

– Но ведь сейчас и его поминали...

– То была панихида о всех, и здесь не моя могила. Я желаю только об нем одном отслужить вон там (указывает на памятник).

– И там его могилы нет, и служить я там не стану.

– И мы – общество – желаем отслужить панихиду об одном только Серафимове, – сказал Лаврентий Шибраев.

– Если хотите, на этом же месте я могу отслужить и об нем одном, но может быть довольно малой панихиды?

– Ну хорошо, малую.

Отслужили. Я начинаю разоблачаться. Выступает Порфирий Солдатов и говорит:

Речь Солдатова

«Вот, братцы, я хочу сказать вам кое-что об учителе Серафимове. Хороший он был учитель. Многие его и теперь помнят. У нас он был учителем лет 16 или 17. Но, когда он помер, его все забыли, и уже через много времени вспомнили и решили ему поставить памятник.

Пригласили батюшку, отслужили панихиду и стали собирать деньги. Собрали 5 руб. 80 коп., но и после этого долго еще памятник не ставили. Наконец на Пасху на эти гроши поставили памятник. И вот понадобился аппарат-фотография, чтобы снять, когда его ставили, попросили у батюшки, и батюшка не дал. Ну, все-таки поставили памятник, а батюшка все отказывался служить панихиду, говорит, что это незаконно и грозил нам всем доносами».

(Сзади непонятный шум).

Выступает Иван Потапов с листом старой газеты.

«Я хочу вам прочитать про Серафимова, так сказать, биографический очерк. (Читает очерк такого содержания: “в с. Царевщине был пожар. Сгорел крестьянин Григорий Алексеев. Долго после этого он бедствовал. Сначала жил на квартире, но потом и с квартиры согнали. Жена его, Матрена, готовила пищу на костре. Наконец пришел он с сынишкой к Серафимову и просит помочь. У Серафимова денег не было, но он вышел и скоро возвратился. Он принес 10 рублей, которые отдал Алексееву без возврата”). Вот такой был человек Серафимов, – сказал Потапов, – и вот мы ему поставили памятник, а батюшка почему-то отказался служить панихиду».

На эти обвинения я объяснил, почему был против постановки памятника: «Памятник поставлен незаконно, без разрешения, на кладбище, где никаких построек возводить не полагается. Если я отписался кому следует, то сделал только то, что должен был сделать».

На мои слова ответил Ю.Е. Щербаков.

– Я, батюшка, должен вам заметить, что памятник стоит не на кладбище.

– Как, не на кладбище?

– Не на кладбище, а на удельной земле, и, так сказать, ответственным лицом за это являюсь я.

Этими словами г. Щербаков ввел в заблуждение присутствовавших горожан. Они поняли, что памятник стоит вне кладбища, тогда как он хотел сказать: не важно-де, что на кладбище, а важно то, что само кладбище на удельной земле. (А может быть, намеренно было выбрано двусмысленное выражение).

Слушать мое возражение не стали, а подняли такой крик, что я решил удалиться. При этом слышу крик Солдатов: «Хвалишься любовью, а панихиду не служишь, а рядом схоронил утопленника, умершего в пьянстве. По слову Апостола “не упивайся вином, в нем же есть блуд”, а ты схоронил, взял 60 руб. да и хочешь, чай, прямо в рай его отправить. Какая же это любовь? Нет, вот это так любовь: собрали деньги, да и поставили памятник. Это любовь!»

Так состоялось торжество. Торжествовали не столько по поводу открытия памятника, сколько по поводу того, что «попа затравили». Как мне после удалось узнать, главным образом обвиняли меня в том, что я поминал «раба Божия Александра», а не «учителя Александра».

Вот что писал мне Иван Потапов: «Разве Вы хоть раз упомянули в панихиде про учителя Александра? Разве Вам запрещено поминать учителей? Что за преступник наш незабвенный Александр Павлович, что Вы, батюшка, публично отказывались помолиться за него, только под давлением, под видом какого-то родственника, согласились служить панихиду за раба Александра, считая, что служите не о Серафимове».

Добрая половина крестьян была возмущена этой выходкой трезвенников. Последнее доказывается тем, что женщины в тот же день тожественно у меня просили прощения за односельцев, а один крестьянин (Степан Бурмистров) готовил корреспонденцию в газету, и только из боязни преследования Братчиков задержал ее.

После 17 октября

Как только крестьяне получили манифест (о свободе слова, собраний, союзов и неприкосновенности личности), то стали открыто собираться в школе. Собrania происходили ежедневно. В первые же дни они решили: «Земля наша, и лес наш».

22 -го, в субботу, приехал становой пристав (о манифесте он только слышал, но не читал его). Сам идти на собрание он побоялся и послал урядника. Но крестьяне, узнавши, что среди нас находится урядник, стали его искать, и ему пришлось удалиться.

По окончании собрания социалы пошли к взъезжей квартире, где остановился становой пристав, и решили его поугатать. Они несколько раз пробежали мимо дома, и при этом все стреляли из револьверов. Не довольствуясь этим, они стали кататься на лошади мимо того же дома и опять с выстрелами. Выстрелов было так много сделано, что в близ стоящих домах были все встревожены, просыпались не только взрослые, но и ребятишки, у которых, как известно, сон крепче.

Демонстрация

На другой день (23 октября) после литургии мы узнали, что ожидается демонстрация. Становой пристав от народа скрылся в квартире пишущего эти строки (местного священника), и этим поставил меня в неловкое положение пред народом. Он очень волновался и только тогда успокоился, когда пришел посланный им урядник с докладом.

Он рассказал, что сначала шествие с четырьмя знаменами (двумя старыми и двумя новыми) направилось к казенной винной лавке. Здесь они поставили знамена, заколотили дверь лавки и вывеску перевернули обратной стороной. Когда урядник хотел подойти поближе, демонстранты стали стрелять из револьверов и кричать: «Долой полицию!» Даже ребяташки, поощряемые большими, стреляли из игрушечных револьверов. Оттуда шествие направилось по улицам с пением и выстрелами.

На следующей затем неделе крестьяне постановили, чтобы при начале собраний звонить в большой колокол. «Мы, – говорят, – свою всеобщую начинаем». Когда сторож сказал, что нужно спросить позволения священника, ему возразили, что «нечего его спрашивать, колокол наш».

С этого времени почти каждый день приходилось слышать о новых и новых постановлениях социалов. Особенно важные из них следующие.

1) отобрать церковную землю у причта и наделить их наравне с крестьянами; 2) не давать за требоисправления более составленной таксы (за венчание 3 руб., крещение 30 коп., погребение с выносом 1 руб., молебен 15 коп. и т. д.); 3) учреждается народный суд и народное управление; 4) благочинному церковных денег не давать; 5) уничтожить взъезжую квартиру и чиновников не принимать; 6) изгнание лесных удельных сторожей и т. д.

Военные походы «граждан»

20 ноября вечером из с. Старого Буяна пришла весть, что там на другой день ожидаются казаки. Царевщинцы живо по звону в колокол собрались, вооружились и помчались в Буян, чтобы сразиться. Но весть оказалась ложной и на другой день «бойцы вернулись с рати».

На следующий после возвращения день около 11 часов вечера вдруг... набат. Ужасно переполошились. Оказывается, опять та же история. Собираются ехать в Буян. В набат звонили три раза, а потом отправились.

Случайно вышло так, что в эти дни 22, 23 и 24 ноября) я ходил с постной молитвой. Из разговоров с крестьянами я узнал несколько интересных подробностей. Громадное большинство населения очень несочувственно относится к движению, и в Буян многие поехали под угрозами меньшинства. Угрожали тем, что если добудут землю и лес, то несочувствующим и не помогающим ничего не дадут, выгонят из села и даже будут поголовно избивать их, стреляя в окна. Кроме того, как рассказывают, во время тревоги по некоторым домам ходило человек пять и силой заставляли ехать. Поехавших «страха ради иудейска» была добрая половина. Надежда на их боевые доблести была плохая, но вот плачевная повесть о другой категории бойцов, бойцов по убеждению и об их вооружении.

«Товарищ» Иван купил револьвер.

– Иван! Ну казаки придут, ты что будешь делать? – спрашивает его сосед.

- Стрелять буду.
- Да ты в казака не попадешь.
- Попаду.
- Нет.

– Попаду.

– Ну вот что: испробуем. Я повешу полушубок, а ты стреляй. Если попадешь, то и в казака попадешь.

Товарищ Иван отходит сажень на шесть, стреляет два раза в полушубок и оба раза неудачно. Тогда он быстро сокращает расстояние второе и «убивает» полушубок. Слышатся шум и остроты.

– У меня руки замерзли, – оправдывается он.

– Да ты и в казаков-то, чай, не с печи стрелять будешь!

Знавшему несколько подобных фактов не нужно было быть пророком, чтобы наперед сказать: «Если у царевщинцев с казаками дойдет до вооруженного столкновения, то царевщинцы потерпят поражение». Понятно, после этого с каким волнением и страхом ожидалось вести из Буяна.

Прошел один день, на другой учительница М.А. Ивлиева в классе была с револьвером за поясом. После уроков они с другой учительницей З.А. Кожениковой собрали женщин и уговорили отправиться в Буян. Сами они переоделись в полушубки и крестьянские платки, подпоясались веревками и на паре лошадей помчались. Вслед за ними отправились несколько десятков женщин.

День опасений

25 ноября крестьяне обеих Царевщин ждали со страхом. Вот уже около трех недель как ходят слухи, что в этот день придут казаки и черносотенцы и будут бить всех без разбора.

Под влиянием этих слухов жители Новой Царевщины даже написали приговор, что мы-де с царевскими не идем, мы Бога и Царя признаем. Приходили ко мне депутаты и от жителей села Царевщины (Иван Шахватов, Прокопий Хорунжин) посоветоваться о том, как им быть, не написать ли им такого же приговора. Я им сказал, что подобный же приговор написать нетрудно, но только не видно от него никакой пользы, хотя и вреда нет.

– Мы так мекаем (думаем), батюшка, – говорят депутаты, – не без разбора, если что, бить-то будут. Ведь мы, например, вовсе не виноваты.

– Этого не бойтесь, – отвечаю я, – беспорядки, конечно, при настоящем настроении народа могут быть, но чтобы, как вы говорите, казаки или черносотенцы стали бить без разбора всех, это неправда. А еще что скажу вам: что бы ни вышло, нам, христианам, нужно стараться поддерживать мир. Пусть лучше нас бьют, а мы должны даже врагов своих шадить.

В таком духе я старался высказываться везде, чтобы успокоить народ и даже 23-го числа с этой целью устроил чтение в Ново-Царевщинской школе. Но, несмотря ни на что, народ не был спокоен, да и сам-то, конечно, ни за что не поручился бы. Некоторые даже на этот день выезжали в соседние села, а некоторые готовились к смерти: исповедовались и причащались.

Так 21-го числа взрослых причастников было человек 50. 20-го и 21-го храм особенно был полон молящимися. Это не понравилось либералам. Лаврентий Шибраев говорил: «Вот дураки, испугались, повалили к попу, а он их угощает искусной эссенцией» (т. е. проповедью). К счастью, этот день ознаменовался только тем, что учитель М.А. Авдеев уехал в Буян и ученья не было, и тем, что вернулись «граждане из похода».

Вот что рассказывают о событиях в Буяне. 25-го числа приехали туда вице-губернатор, исправник и 100 человек казаков. На казаков была устроена засада под мостом, в овраге между селами Старым Буяном и Красным Яром. Засевшие крестьяне казаков не дождались и, продрогнув до костей, ушли. Казаки, не зная о засаде, прошли другой дорогой и вперед посылали разведчиков. Один крестьянин говорит: «Мы казаков боялись, а они нас боялись». Начальники объяснили, что народное управление крестьяне учредили рано, и поставили прежнего старшину, удаленного самовольно крестьянами.

Говорили, будто на станowego пристава составили протокол в том, что он вошел в дом в шапке, сел под портретом императора и закурил, и добавляли, что «вице-губернатор при нас ему «выговаривал». Если это правда, то, конечно, становой нехорошо поступил, но и жалоба крестьян есть лицемерие. Ведь царя они не признают, а за оскорбление его притягивают к наказанию станowego. Выходит, они делают это только для того, чтобы насолить человеку.

Все главные «горлогрызы», кроме одного Порфирия Солдатова, прятались позади.

Долой фельдшера Н.Н. Николаева

4 декабря крестьяне, человек 10–15, попросили фельдшера Н.Н. Николаева, поступившего в Царевщину летом 1905 года, удалиться из аптеки и даже не дали взять собственные инструменты и заколотили ее. Это они сделали, как говорят, из боязни, что фельдшер, которому земская управа по недостатку денег не дает жалованья, растратит лекарства.

Долой священника С. Самуилова

Держится слух, идущий, по-видимому, из достоверных источников, о том, что составлен приговор такого содержания.

Священник Сергей Самуилов организует черную сотню и подговаривает бить борцов за свободу. Для этого он выдумал ходить с постной молитвой, что раньше не было, для этого же он ездил в д. Новую Царевщину 23 ноября. По своей жадности к деньгам он распространяет слухи о готовящихся избиениях, чтобы к нему больше шли в храм и несли денег. Поэтому мы не желаем, чтобы он оставался у нас.

Для выяснения истины считаю долгом поместить в летописи свои объяснения.

Обычай ходить с постной молитвой раньше в Царевщине не было, но я пошел вовсе не с той целью, чтобы организовать черную сотню, а потому что захотелось ввести добрый обычай. На это хождение я смотрел как на средство сблизиться с прихожанами, и не хотелось относиться к делу формально. Поэтому оставался в каждом доме довольно долго (до обеда успевал пройти 4–6 дворов). В беседе крестьяне сами заговаривали «о злобе дней», отъезде в Буян, выражали опасения за уехавших и передавали подробности.

Правда, я старался своими речами предохранить крестьян от увлечения движением, потому что оно имеет противохристианский и противощерковный характер, старался обнаружить его противохристианские свойства.

Либералы говорят, что они против церкви и религии не идут, но зачем же они спрашивают иногда: «Какой Бог? Кто Его видел?» Зачем они встают против церковных постановлений (о постах, иконах и т. п.), рассуждая как сектанты. Почему они никогда не говеют, не причащаются, в храме бывают только на Пасху? Времени нет? Они всегда за работой? (так они обыкновенно оправдываются). А почему же тогда находится время посещать ежедневно социалистические собрания? Нет, здесь другая причина.

Правда, все это я говорил, но это ведь, кажется, идеи не черносотенные. Я только раскрывал противохристианский характер движения, лицемерно скрытый под маскою равнодушия и справедливости. Говорить же об избии «свободников» не в моих убеждениях, которые выражены в словах к депутатам села Царевщины, приведенных выше (см. «День опасений»).

Решение ходить с постной молитвой у меня явилось гораздо ранее появления слухов, летом. Немалым толчком к этому решению было высказанное крестьянином Семеном Васильевичем Суловым обвинение в том, что «пастыри наши нас не знают, к нам мало ходят, а он (пастырь) взял бы в руки палочку, да и пошел бы по нам». Вот я пошел, но что же заслужил? Титул предводителя черной сотни!

Ездил в Новую Царевщину и устраивал чтения я с тою же целью, что и ходил с постной молитвой, т. е. сблизится с народом, послужить ему, дать духовной пищи. Чтения в школе с волшебным фонарем были у нас и в прошлом году, но почему же меня тогда не причислили к какому-либо обществу, подобному черной сотне.

Говорить о своем некорыстолюбии я не буду, но в данном случае упрек в жадности несправедлив. Если бы я распространял вышепереданные слухи и из-за корысти ходил бы по домам, то я постарался бы не упустить того, что само лезло в руки, не стал бы отказываться (как то было) от денег, которые мне предлагали почти в каждом доме.

В земской школе

Ученье началось 7 ноября, так как до сих пор отстраивалось новое здание. С первой встречи (19 ноября) с учениками старшего отделения стало ясно, что так называемое «освободительное движение» отразилось и на них.

Мой приход в класс был встречен выстрелом из игрушечного револьвера. Я сделал замечание и велел читать молитву, но, увы, лучший ученик не может прочитать без многочисленных ошибок молитвы «Царю Небесный». И неудивительно, ведь в школе с нынешнего учебного года общая молитва отошла в область преданий. Учиться начали в новом неосвященном здании, и даже не отслужили молебна, как то было раньше. В младшем отделении нет икон совершенно. Их-де оставили в прежнем помещении, в народном доме, а сюда не хватило. Скажите теперь, читатель, это ли еще не противокерковное направление?

После молитвы я стараюсь овладеть вниманием учеников, чтобы начать объяснение. Но не тут-то было: внимание их уже занято заряданием вновь револьвера. Объясняю неблаговидность их поведения – не слушают и не обращают внимания, начинаю рассказывать историю – шумят, кричат, что все

это они уже знают, начинаю стыдить, а ученик, скорчивши преглупую мину, похлопывает очами, и видно, что слова как к стене горох. Несколько новых выстрелов выводят меня из терпения, и я уйду из класса.

В учительской комнате я встретил заведующего М.А. Авдеева и рассказал ему случай и просил совета. Он сказал, что выстрелы были и на его уроках, но он уговорил учеников и мне посоветовал на подобные случаи не обращать внимания.

На следующий день (26 ноября) я стал объяснять ученикам, что Закон Божий нужно знать всем христианам, и не только для настоящей жизни, но и для будущей.

– А кто ее видел, будущую-то жизнь? – возразили ученики.

– Значит, вы не верите в нее?

– Докажите, тогда поверим.

– А чему же вы верите? Священному Писанию вы, например, верите?

– Не знаем (О, дети, дети!).

– Если вы верите Священному Писанию, то должны верить и в будущую жизнь, ведь там сказано, что «дух (человека) возвратится к Богу, иже и даде его» и как Бог вечен, так и душа человека бессмертна.

– Вот вы говорите так, а у нас есть книга, где говорится, что человек от обезьяны.

Пришлось пуститься в философию. Объяснил, что самое совершенное животное не может приобрести то, что имеет даже дикарь, а именно чувство стыда или совесть. Посредством этого чувства человек узнает не только, что приятно или неприятно, но и различает добро от зла. Совесть есть прирожденное человеку свойство, голос Божий.

– Вы говорите что Бог везде, а по-нашему Он только в честных и совестливых людях, а в нечестных и бессовестных Его нет.

Объяснил что Бог не есть совесть и не честь. В таких рассуждениях прошел час. На другой час несколько учеников выразили желание заниматься Законом Божиим, и я просил учеников, которые не желают сами заниматься, не мешать остальным, но эта просьба не была уважена.

29 ноября я спрашивал Преосвященного Константина о том, что ввиду такого настроения учеников не будет ли полезнее для прихода мне совсем не заниматься в старшем отделении, а посвятить эти часы церковной школе в деревне. Преосвященный сказал, что пока есть желающие, нужно с ними заниматься, нежелающим можно позволять выходить из класса.

В следующий раз я так и сделал, но, к моему удивлению, никто не вышел. Шалости продолжались, но из класса никто выходить не хотел, несмотря на мои настоятельные просьбы и даже требования. Ученики позволяли себе говорить дерзости вроде того, что «сами выходите из класса, мы распоряжаемся классом, а не вы» и т. п.

Наконец, дело дошло до того, что ученики старшего отделения перед моим приходом в младший класс писали на доске «долой попа». Во время урока отворяли дверь класса, кидали горохом, свистели и пр.

По моему убеждению, виноваты в таком поведении учеников семья и школа.

Либералы добираются до церковной школы

24 ноября я читал в Ново-Царевщинской школе народу житие Св. мученицы Екатерины. По окончании чтения, когда народ расходился, несколько человек из местных либералов просили меня позволить им собрания в школе. Я отказал. Меня спрашивают: «Почему? Чья это школа? Народная? Значит наша?

– Ваша? Вы ее строили? Вы ее отапливаете? Вы почему летом не переложили печей? Вы нанимаете сторожа? Нет, она не ваша. Она принадлежит тому, кто ее строил и содержит. Строилась она на средства Епархиального училищного совета, заведу же этой школой я. Но так как она существует для народа, то я спрошу и у народа:

– Мужики! Вы хотите, чтобы здесь были собрания, как в Царевщине?

Дружные голоса:

– Нет! Нет! Не хотим! Они народ смущать будут! Под праздники песни будут петь! Не пускайте их, батюшка.

– Видите, и общество не желает собраний в школе, а спор давайте прекратим, от него пользы не будет.

– Как не будет пользы? – возразил Алексей Тарасов, парень 16 лет. – В этих спорах все образование.

– Извини, брат, образование не в спорах, от споров только неудовольствия зло.

Подобный же разговор и на ту же тему произошел после чтения 6 декабря.

Как отразились забастовки на Царевщине

В конце года стали ясны следствия забастовок. Потерпевши убыток, скупщики хлеба не приехали. Благодаря этому крестьяне обеих Царевщин лишились возможности во всякое время продавать хлеб. Они лишились возможности сдавать за подходящую цену свои амбары, сени и сараи для сыпки хлеба.

Постоялые дворы, которых целая улица, лишились постояльцев, а весной крестьяне будут лишены возможности заработать при грузке хлеба. По случаю забастовок крестьяне лишились возможности работать в лесу, в горах, а для многих, не сеявших хлеба или сеявших мало, это был единственный источник добыть денег на покупку хлеба. (На этих промыслах крестьяне зарабатывали в зиму от 20 руб. до 150 руб. и более). Многим придется теперь голодовать.

Священник Сергей Самуилов

Примечания

¹ Самарские Епархиальные ведомости. 1867.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Печатается по ЦГАСО. Ф. 32. Оп.34. Д.7 Л. 12-21об.